

**ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕЙККИ ПААСОНЕНА
ПО МОРДОВСКИМ ЯЗЫКАМ И ФОЛЬКЛОРУ:
«О СТРОЕ СТИХА МОРДОВСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН»
(перевод с немецкого языка, I часть)**

П.С. Шахов¹, В.Г. Тельминов², И.В. Zubov³

¹ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, 630090, Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 109028, Российская Федерация

³ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республика Мордовия, Саранск, 430005, Республика Мордовия, Российская Федерация

Аннотация. На основе анализа работ лингвистов, фольклористов, этнографов и этномузыкологов описаны основные направления деятельности выдающегося финского ученого Хейкки Паасонена, осуществлен краткий обзор его работ, посвященных мордовским языкам и фольклору. Несмотря на то что часть фольклорных текстов, собранных Х. Паасоненом, использовалась при подготовке ряда отечественных изданий (в адаптированном виде на национальных мордовских языках с переводом на русский язык), переводы его исследовательских работ нам неизвестны. Вниманию читателей предлагается перевод с немецкого языка первого раздела статьи «Über den Versbau des mordwinischen Volksliedes» (О строе стиха в мордовских народных песнях), опубликованной в 1910 г. в журнале «Финно-угорские исследования» («Finnisch-ugrischen Forschungen», band X). В этой работе Х. Паасонен на основе анализа эрзянских и мокшанских песенных фольклорных текстов устанавливает закономерность метрической структуры, связанную с силлабическим строением песенного стиха, и предлагает его систематику. В оригинальной работе Х. Паасонена фольклорные тексты записаны с помощью знаков фонетической транскрипции. В переводной версии тексты даны в кириллической записи на современных эрзянском и мокшанском языках с сохранением диалектных особенностей, отраженных в фонетических транскрипциях Х. Паасонена. К поэтическим текстам добавлены параллельные переводы на русский язык, в которых отражена структура исходного текста.

Ключевые слова: мордовская фольклористика, Хейкки Паасонен, песенный текст, структура поэтического текста, перевод

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шахов П.С., Тельминов В.Г., Zubov И.В. Исследования Хейкки Паасонена по мордовским языкам и фольклору: «О строе стиха мордовских народных песен» (перевод с немецкого языка, I часть) // *Вестник музыкальной науки*. 2023. Т. 11, № 2. С. 138–162. DOI: 10.24412/2308-1031-2023-2-138-162.

**HEIKKI PAASONEN'S STUDIES
IN MORDVIN LANGUAGES AND FOLKLORE:
“ON THE VERSE STRUCTURE OF THE MORDOVIAN FOLK SONGS”
(translation from German, first part)**

P.S. Shakhov¹, V.G. Telminov², I.V. Zubov³

¹ Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, 109028, Russian Federation

³ Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Abstract. On the basis of several works of linguists, folklorists, ethnographers, and ethnic music researchers, we describe the main vectors of studies of Heikki Paasonen, a prominent Finnish researcher; we also offer a brief review of his works on Mordvin languages and folklore. In spite of the fact that some folklore texts collected by H. Paasonen have been used in a number of Russian publications (in adapted form, in original Mordvin languages accompanied by Russian translations), his academic works have apparently never been translated. We offer a German-to-Russian translation of the first part of H. Paasonen’s article titled *Über den versbau des mordwinischen volksliedes* (On the Structure of Mordvin Folk Lyrics) published in 1910, in *Finnisch-ugrischen Forschungen*, vol. X. In this article, H. Paasonen analyzes folklore lyrics in Erzya Mordvin and Moksha Mordvin, reveals certain tendencies in metric structures related to syllabic lyric systems, and suggests a classification of lyrics. In H. Paasonen’s original study, folklore lyrics are recorded with symbols of phonetic transcription. In the translated version, lyrics are written in modern Erzya Mordvin and Moksha Mordvin using Cyrillic symbols, with preservation of dialect traits reflected in H. Paasonen’s phonetic transcriptions. Parallel translations into Russian are also included, reflecting original lyric structures.

Keywords: Mordvin folklore studies, Heikki Paasonen, lyrics, lyric structure, translation

Conflict of interest. The authors declare the absence of conflict of interests.

For citation: Shakhov, P.S., Telminov, V.G., Zubov, I.V. (2023), “Heikki Paasonen’s studies in Mordvin languages and folklore: «On the verse structure of the Mordovian folk songs» (translation from German, first part)”, *Journal of Musical Science*, Vol. 11, no. 2, pp. 138–162. DOI: 10.24412/2308-1031-2023-2-138-162.

Научное наследие Хейкки Паасонена (1865–1919) представляет собой значительный вклад в исследования языков, фольклора и этнографии мордовского народа, а также других финно-угорских и тюркских этносов. Многогранной деятельности Х. Паасонена посвящен ряд публикаций, авторами которых выступили библиографы (Сафонова Т., 1992), филологи-лингвисты (Феоктистов А., 1962; Гуя В., 1974; Хакамиэс П., 1995; Саринен С., 2009), фольклористы (Рогачев В., 2013), а также этнографы (Мокшина Е., 2019) и этномузыковеды (Бояркина Л., 2011).

Интерес финских ученых к исследованию родственных финно-угорских народов формируется с начала XIX в. Первым финским ученым, впервые описавшим язык и фольклор мордовского народа, был Август Альквист, совершивший

поездку по России в 1857 г. (Хакамиэс П., 1995, с. 17). Его ученик Х. Паасонен, окончивший в 1888 г. Гельсингфорский университет в Хельсинки и получивший степень кандидата философии за исследование по синтаксису финского языка, выиграл конкурс на получение стипендии Финно-угорского общества по изучению мордовских языков¹. В рамках стипендии Х. Паасонен должен был собрать лингвистический материал по различным мордовским диалектам для составления словаря и описания грамматической структуры языка (Саринен С., 2009, с. 32), кроме этого его «попросили обращать особенное внимание на документирование народного творчества и прочей духовной культуры» (Хакамиэс П., 1995, с. 17).

С 1889 по 1890 г. Х. Паасонен совершил две поездки в эрзянские

и мокшанские села Пензенской и Симбирской губерний, собрал богатый лексический и фольклорный материал, принял участие в обрядах жертвоприношения (Сааринен С., 2009, с. 32). Собранные Х. Паасоненом эрзя-мордовские тексты с переводом на немецкий язык были опубликованы им в двух выпусках журнала Финно-угорского общества в 1891 г. (эрзянские песни)² и в 1894 г. (эрзянские заклинания, молитвы, загадки, пословицы и сказки)³.

В 1894 г. Х. Паасонен получил степень доктора философии за работу по фонетике мордовских языков, которая была опубликована в 1903 г.⁴ Данная работа по фонетике, «особенно система согласных в мордовских языках, до настоящего времени представляет научную ценность, так же как и содержащиеся в работе сведения о диалектных посесивных суффиксах, из которых хорошо сохранился суффикс -н-, указывающий на множественность обладаемого» (Сааринен С., 2009, с. 33). Исследование по фонетике мордовских языков ознаменовало начало сравнительно-исторической деятельности Х. Паасонена. Его следующая работа о звуке 's' в финно-угорских языках, впервые опубликованная в 1903 г.⁵, в финно-угристике является первой монографией по исторической фонетике.

Наиболее значимый труд Х. Паасонена по истории финно-угро-самодийской фонетики представляют шесть очерков, опубликованных с 1912 по 1917 г. в венгерском журнале «Keleti Szemle» (Восточное обозрение)⁶, где дана почти полная система финно-угорских и самодийских звуковых соответствий. Как отмечает венгерский лингвист Янош

Гуя, эта работа долгое время была настольной книгой для финно-угроведов, занимавшихся исторической фонетикой, и не потеряла своего значения в настоящее время (1974, с. 73–74).

Спустя восемь лет после первых лингво-фольклорных экспедиций, Х. Паасонен получил стипендию Гельсингфорского университета для новых научных поездок, которые состоялись в период с 1898 по 1902 г. Теперь исследовательский ареал по изучению мордовского языка и фольклора был значительно расширен, в него вошли села Пензенской, Тамбовской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Нижегородской и Оренбургской губерний. Кроме того, Х. Паасонен занимался исследованием татарского и чувашского языка, собирал лексику и фольклор восточных марийцев, а в 1900 г. отправился в Тобольск и Сургут, где изучал диалекты хантыйского языка.

За весь экспедиционный период с 1889 по 1902 гг. Х. Паасонен совершил четыре поездки по российским губерниям общей продолжительностью около двух лет (более 22 месяцев). Полевые дневники Х. Паасонена, в которых он освещал свою полевую работу, были опубликованы на финском языке в нескольких выпусках журнала Финно-угорского общества⁷. Второе крупное собрание мордовских фольклорных текстов с глоссарием и краткой грамматикой издано Х. Паасоненом в 1909 г.⁸

Интерес ученого к изучению исторических контактов мордвы с соседними народами нашел отражение в устном докладе Х. Паасонена «О так называемых иранских словах в мордовском языке» (Вихман Г.,

1893, с. 198) и его статье о тюркских заимствованиях⁹. Отдельную работу Х. Паасонен посвятил мордве-каратаям¹⁰ – одной из этнографических групп отатарившейся мордвы, разговаривающей на татарском языке, позже обращенной в христианство; сопоставительный анализ лексики позволил исследователю выявить в терминологии родства и одежды следы мордовских языков (Сааринен С., 2009, с. 35).

Следуя первоначальной установке о документировании мордовского «народного творчества и прочей духовной культуры», Х. Паасонен зафиксировал значительный по объему материал о народной религии мордвы. Он планировал подготовить монографию в серии, посвященной этническим религиям финно-угорских народов, начатой Каарле Кроном в 1910-е гг., но, как отмечает П. Хакамиэс, эта работа осталась неоконченной (1995, с. 19). Однако собранные Х. Паасоненом фольклорно-этнографические материалы нашли отражение в его лекциях о религии мордовского и других финно-угорских народов, читаемых в Хельсинкском университете, а также в ряде его публикаций, посвященных как отдельным аспектам, например, представлениям о душе у финно-угорских народов (1909)¹¹, так и общей характеристике мордовской мифологии: статья «Мифология мордвы» в финском энциклопедическом издании (1914)¹² и статья «Мордва» в английской энциклопедии религии и этики (1917)¹³. Крупный финский религиовед Уно Харва, совершивший в 1910-е гг. полевые исследования марийских и удмуртских сел, в своем труде «Древняя религия морд-

вы» (Mordvalaisten muinaisusko. Helsinki, 1942) в основном опирается на материалы, собранные Х. Паасоненом.

Х. Паасонен придавал большое значение исследованию мордовской народной музыки. По его рекомендации на средства Финно-угорского общества в 1914 г. состоялась экспедиция в мордовские села этномузыколога Армаса Вяйсянена, который впервые с помощью фонографа зафиксировал образцы песенных напевов и инструментальных наигрышей (Бояркина Л., 2011, с. 250). Первоначальный замысел А. Вяйсянена повторить маршрут Х. Паасонена, к сожалению, не был полностью осуществлен в связи с началом Первой мировой войны, однако ему удалось в Бугурусланском и Бугульминском уездах Самарской губернии сделать бесценные аудиозаписи эрзя-мордовских песен и наигрышей. В сборнике А. Вяйсянена, опубликованном в 1948 г.¹⁴, вместе с нотациями звукозаписей (143 песенных напева и 59 инструментальных наигрышей), систематизированных по признаку мелодического родства, в приложении даны переводы песенных текстов на немецкий язык со ссылками на более полные их варианты, записанные ранее Х. Паасоненом (Бояркина Л., 1988, с. 11).

Таким образом, фольклорно-лингвистические исследования Х. Паасонена по мордовской вербальной культуре базируются на собственных материалах, собранных им в полевых экспедициях 1889–1902 гг. Но при жизни ученого была опубликована лишь самая незначительная их часть. Свидетельством тому служат два монументальных серийных

издания, вышедших в свет с 1938 по 1996 г.:

1) серия «Мордовская народная поэзия» (Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1938–1981 гг.), в восьми томах которой представлены материалы Х. Паасонена (всего более 4000 с.), является самым значительным изданием мордовского словесного фольклора, включающим свадебные и эпические песни, баллады, молитвы и заговоры, причитания, пословицы, поговорки, загадки и сказки;

2) четырехтомник «Мордовский словарь» (Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990–1996 гг.), подготовленный на основе диалектологических материалов Х. Паасонена (общим объемом 2700 с.), а также дополняющие словарь два тома указателей на русском и немецком языках¹⁵.

Собранные Х. Паасоненом и его корреспондентами фольклорные материалы составили огромный задел для последующих поколений фольклористов и языковедов, готовивших их к публикации на протяжении всего XX в. (Пааво Равила, Мартти Кахла, Кайно Хейккила, Александр Феоктистов, Григорий Ермушкин). Профессор финно-

угроведения Туркуского университета (Финляндия) Сиркка Сааринен отмечает, что ни один из финских финно-угроведов не смог превзойти Х. Паасонена по объему собранного им языкового и фольклорного материала, никому не удалось «настолько разносторонне рассмотреть вербальную, духовную и материальную культуру мордовского народа» (Сааринен С., 2009, с. 35).

В качестве приложения к настоящей статье представлен перевод с немецкого языка первой части работы Х. Паасонена, посвященной строю стиха мордовских народных песен, опубликованной в 1910 г. в журнале «Финно-угорские исследования»¹⁶. В статье Х. Паасонена фольклорные тексты записаны с помощью знаков фонетической транскрипции. В переводной версии, предлагаемой читателям, фольклорные тексты адаптированы и представлены в кириллической записи на современных эрзянском и мокшанском языках с сохранением диалектных особенностей, отраженных в фонетических транскрипциях. Кроме того, поэтические тексты даны с параллельным переводом на русский язык. В переводах отражается структура исходного текста.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Паасонен Х.

О строе стиха мордовских народных песен¹⁷

Уже в предисловии изданного мной в 1891 году собрания эрзя-мордовских песен (Опыт изучения мордовской народной литературы. Первый том, первый выпуск. Журнал финно-угорского общества. IX)¹⁸ я кратко коснулся проблемы стихотворного строя мордовских песен (стр. 10). Я утверждал, что, в противоположность ранее высказываемым учеными предположениям, сделанным на основании неточно зафиксированных песен, в строе мордовских народных песен совершенно четко заметна сквозная закономерность и единообразие. В докладе, который я представил несколько лет спустя под названием «Itaesuomalaisten kansain runoudesta» («О поэзии восточно-финских народов», в журнале Valvoja, 1897)¹⁹, я более подробно осветил мордовский стихотворный метр и убедительно доказал, что мордовские песни как мокшан, так и эрзян, силлабичны по своей метрической структуре.

Я доказал это на примере того, что все строки какой-либо отдельно взятой песни (или отрывка из песни) состоят из равного количества слогов.

Позднее я смог подтвердить этот вывод на материале, во много раз превышающем по объему доступный мне ранее. Этот материал был получен благодаря записи (в основном не под диктовку, а путем прослушивания самих песен) частично мной самим, частично грамотными мордвинами из уст самого народа. В то же время я осуществил дальнейшие наблюдения над мордовскими стихотворными размерами, из которых следует однозначный вывод, что силлабичность мордовского стихотворного строя не ограничивается одним лишь равным числом слогов в строках той или иной песни, но что каждая строка в любом стихотворном размере представляет из себя упорядоченный набор слогов, последовательно подчиненных четкому *принципу деления на слоговые группы*.

Всего в мордовском фольклоре существует 9 стихотворных размеров различной длины. В самом коротком из них строка насчитывает 7 слогов, в самом длинном – 17. В остальных размерах строки состоят из 8, 10, 11, 12, 13, 15 и 16 слогов.

При любом стихотворном размере строки распадаются на группы, состоящие из определенного количества слогов. В самом коротком варианте таких групп всего две, в более длинных – гораздо больше. Эти слоговые группы подчиняются следующим правилам: 1) конец каждой из этих групп совпадает с концом слова; 2) во всех строках данного стиха сохраняется единый порядок следования слоговых групп друг за другом. В слоговых группах содержится обычно от 3 до 5 слогов. При некоторых размерах все слоговые группы равной длины, в других случаях – разной. Различается также число слоговых групп: в различных размерах оно может составлять от двух до четырех. Даже самые длинные строки никогда не делятся больше чем на четыре слоговые группы.

Большинство стихотворных размеров представлены в двух вариантах; некоторые – в трех. Эти варианты отличаются между собой различным устройством строки и слоговых групп. Исключением является лишь самый короткий из всех размеров, 7-слоговой, который представлен единственным вариантом устройства строки (длиннейший 17-слоговой вариант в этом отношении не показателен, так как в моем распоряжении был всего один пример стиха с этим размером).

Таким образом, можно выделить следующие мордовские стихотворные размеры:

- 1) 7-слоговой = 4+3
- 2) 8-слоговые: а) 4+4; б) 5+3
- 3) 10-слоговые: а) 5+5; б) 4+3+3
- 4) 11-слоговые: а) 4+4+3; б) 4+3+4; в) 5+3+3
- 5) 12-слоговые: а) 4+4+4 (вариант: 4+4+3+1); б) 4+5+3; в) 5+4+3
- 6) 13-слоговые: а) 4+4+5 (вариант: 4+4+4+1); б) 5+5+3
- 7) 15-слоговые: а) 4+4+4+3; б) 5+5+5
- 8) 16-слоговые: а) 5+5+5+1; б) 4+4+4+4
- 9) 17-слоговой = 5+5+4+3

В качестве наглядного материала читателю прежде всего предлагаются собрания песен, опубликованные в 9-м выпуске «Журнала финно-угорского общества» (см. прим. 18; далее – JSFO), а также в моей Хрестоматии мордовских песен (Хельсинки, 1909 ; далее – Мордовская хрестоматия)²⁰. Привлекается также рукописный материал, особенно в тех случаях, когда для подтверждения моих тезисов недостаточно одних песен из печатных сборников. Но и в остальных случаях обширный рукописный материал служит цели поддержать мои выводы и доказать на примере всего песенного мордовского фольклора единый принцип построения стихотворных размеров.

Отсутствие под той или иной песней имени собирателя означает, что эту песню из уст народа записал я сам. Из числа мордовских собирателей: эрзянин И. Школьников и мокшанин С. Чигин преподают в народном училище, оба с семинарским образованием; эрзянин И. Зорин – крестьянин с начальным образованием в церковно-приходской школе; эрзянин А. Шувалов и мокшанин С. Сирикин (уже покойный) – крестьяне без образования.

Все приведенные в данном исследовании песни, собранные И. Зориным в Самарской губернии, происходят из северо-восточной части Бугурусланского уезда и прилегающих к нему деревень соседнего Бугульминского уезда. Записанные А. Шуваловым песни происходят из северной части Саратовской губернии, по большей части из Хвалынского уезда. Записанные С. Сирикиным песни (а также те, которые я привел по памяти) происходят,

если о том не сделано специального замечания, из Инсарского и Краснослободского уездов Пензенской губернии. В общем и целом, приведенные в исследовании песни представляют Тамбовскую, Пензенскую, Симбирскую, Саратовскую, Казанскую и Самарскую губернии.

I. 7-слоговой стих = 4+3

mordE

Неян, ванан горница.	Вижу, смотрю – горница.
Горницасо сиянь столь,	В горнице серебряный стол,
Ве песэнзэ пурепарь,	На одном его конце кадка с пуре,
Омбо песэ медьпарька,	На другом конце кадушка с медом,
Куншка видьсэ молодец.	Посередине молодец.
«Мекс а симат, а ярсат?»	«Почему не пьешь, не ешь?»

(JSFO, вып. 9, песня 29; Ардатовский уезд, Симбирская губ.; [песня состоит из] 16 стихотворных строк)

В том же выпуске Журнала такой стихотворный размер встречается в песне 9 (13 строк), песне 38 (10 строк; Темниковский уезд, Тамбовская губ.) и песне 52 (18 строк, Самарский уезд, Самарская губ., записано Генец-Нюманом).

Такой же стихотворный метр присутствует в свадебных песнях 8 (JSFO, стр. 126), 9, 10, 11, 12, 15, в которых все семислоговые строки поделены точно таким же образом (4+3). По соседству с таковыми, однако, в тех же песнях встречаются строки большей или меньшей длины.

Такой же размер характерен для четвертой эрзянской песни в моей Мордовской хрестоматии (на стр. 32–33; записана И. Зориным в Самарской губ., состоит из 42 строк) и также для многих до сих пор еще не опубликованных эрзянских песен из Самарской, Казанской, Саратовской и др. губерний.

mordM

Этот размер часто встречается также в еще не опубликованных мокшанских коллекциях песен, например:

Вай, аленят, стядава!	Ой, мужички, вставайте-ка!
Корамсононть каляда.	На дворе коляда.
Корамсь пешкедсь павазда,	Двор наполнился счастьем,
Карда пешксе ракшада,	Двор полон скота,
Корам пешксе жватада.	Двор полон скота.
Видиенди павас тусь,	К сеятелю счастье принесла (коляда),
Сокаенди асу путсь	Пахарю мастерство дала
(Зап. С. Сирикиным в Самарской губ.; 28 строк)	

II. 8-слоговой стих

a) = 4+4

mordE

Козонь чачнесь Комульавка,	Где рождалась Комульавка,
Козонь каснесь бояровка?	Где выростала боярыня?
Суронь, Равонь тона бокас,	На другой стороне Суры и Волги,
Суронь, Равонь тона чамас,	На другом берегу Суры и Волги,
Летьке таркас, начко таркас,	Во влажном месте, в мокром месте,
Чейпулынес, калькурынес	В местечке, заросшем камышом, в ивнячке

(JSFO, вып. 9, песня 33; Ардатовский уезд Самарской губ.; 31 строка)

Сравните: оттуда же, песни 7 и 17 (обе с несколько нерегулярным стихотворным размером), также 40 и 50 (записаны Генец-Нюманом в Самарском уезде Самарской губернии, по 36 и 31 строк соответственно).

– Юмить, ялгай! – Эзинь юма. Вальмить, ялгай! – Эзинь вальма. Ялга муинь, стадаваный. – Мезинь стада? – Лишминь стада. Тельнят васькан нурдудунза, Кизнат васькан крандазынза (Саратовская губ.; зап. А. Шуваловым; 24 строки)	– Пропала, подруга! – Не пропала. Погибла, подруга! – Не погибла. Друга нашла, пастуха. – Какого стада? – Стада лошадей. Зимой нежусь в его санях, Летом нежусь в его телеге
--	---

«Удумам сась, мадимам сась, Тетьнян кудов молимам сась, – Полай, полай, Михаила, Вастай, вастай, Михаила, Адя, полай, титьнян кудов, Адя, вастай, авань кудов!» <...> Вачкодсь кафто сон кедэндзэ, Недясь кемень сон сурондзо. Эри ломань сон эрязо, Козейкандзо кунсолосо! (Самарская губ.; зап. И. Зориным; 79 строк)	«Спать хочу, лечь спать хочу, В отцовский дом пойти захотелось, – Муж, муж, Михаил, Супруг, супруг, Михаил, Пойдем, муж, в дом отца, Пойдем, супруг, в дом матери!» <...> Ударил он двумя руками, Сжал он свои десять пальцев. Живущий человек пусть живет, Свою жену слушает!
--	--

mordM

Эрзень ава салмат тиендсь, Салмазонза салмат кирендсь. Эрзень ава салмат каесь, Салмазонза салмат ваесь. (Уезд Городище Пензенской губ., зап. С. Сирикиным)	Эрзянская женщина галушки делала, В салму галушки нарезала. Эрзянская женщина галушки добавила, В салме ее галушки утонули.
---	--

Люкшфут, Шетюфт кафоненест, Алясненок кафта браткат, Терясненок акат-сазорхт, Синцьке ёфси родной ялгаг. «Аде, Люкшу, оцю вири, Оцю вири, рузонь шири, Мазы кейняс, кей коренняс» (Пензенская губ., 59 строк)	Люкшумка с Шетюфкой вдвоем, И отцы у них два брата, И матери их тетки-сестры, И сами они как родные друзья. «Пойдем, Люкшу, в большой лес, В большой лес, в русскую сторону (к русским), За красивой мареной, за корнями марены
--	---

b) = 5+3

Очень часто встречающийся метр.

mordE

Уш козонь Казань строяты, Уш козонь ошось вачкаты? Ох, сисем кинень киулоос, Сон сисем лиси лисьмапряс (JSFO, вып. 9, песня 19; Ардатовский уезд Симбирской губ.; 52 строки)	Уж где Казань строится, Уж где город рубится? Ох, на перекрестке семи дорог, Он на семи бьющих родниках
--	--

Сравните, оттуда же, песни 2, 3, 16, 23, 24, 25, 27, 28 и свадебные песни 1–6, 14, 16; также песня 3 из мордовской хрестоматии (стр. 30–32) (все эти песни записаны И. Зориным в Самарской губ., всего 155 строк).

mordM

Стирнесь аварди | лужеса,
Кати лужеса, лажеса,
Коз(е) алень Степанть пол ала,
Кати пол ала, ор ала

<...>

«Тон мес авардят, васе, тяшкава,
Тонь мезень оцю, васе, нуждае?
Али алеце течи пиксонзе,
Али од авась течи сюензе?»
«Монь аф алезе пиксомань,
Аф од авась сютцемань»

(Пензенская губ.; зап. С. Сирикиным; 31 строка; однако один из участников диалога, который происходит в этой песне, говорит 10-слоговыми строками)

Девушка плачет ручьем
Может, ручьем, ручейком,
У богатого мужика Степана под полой,
Может, под полой, под шубой

<...>

«Ты почему так плачешь, супруга,
Какая большая у тебя, супруга, нужда?
Или отец твой сегодня побил,
Или мачеха сегодня поругала?»
«Отец меня не бил,
Мачеха не поругала»

Вай, велесь оцю | велешка,
Кати велешка, городшка.
Питерень ульцят ульцянзон,
Москувонь путонь кудонзон.
Сонь мокшень баярхт алянзон,
Вай, боярават аванзон,
Сонь тиень куклат шабанзон.
Велеть фке песа кштишть-морашть,
Велеть омб песа авардишть.
– Тон мес авардят, сирь веле,
Тон мес кандзедят, велепе?
(Пензенская губ.; зап. С. Сирикиным; 62 строки)

Ой, село большое, как село,
Может, как село, как город.
Как Питерские улицы его улицы,
Как Московские его построенные дома.
У него мужчины – мокшанские бояре,
Ой, женщины – боярыни,
Дети – будто сделанные куклы
В одном конце села пляшут-поют,
В другом конце села плачут.
– Ты почему плачешь, старое село,
Ты почему печалишься, край села?

В целом и общем эти два 8-слоговых варианта «а» и «б» сильно различаются и почти никогда не встречаются в одной и той же песне. Исключения чрезвычайно редки: например, в песне 3 (80 строк, JSFO, вып. 9) в целом прослеживается вариант «б», однако же две первые строки выдержаны в размере варианта «а»:

Атянь-бабань кавто эйкакшт,
Атянь-бабань кавто тякат.
Вейкенъ лемезэ Литува,
Омбоценъ лемезэ Кирдюва

У старика со старухой два ребенка,
У старика со старухой два дитя.
Первого²¹ зовут Литува,
Второго зовут Кирдюва

III. 10-слоговой стих

Вероятно, самым знакомым и привычным стихотворным размером является вариант «а» десятислоговой строки:

а) = 5+5
mordE

Мезьгань удалась | Надянь Палага,
Мезьгань пек вадря с... Палага?
Удалась Палай сэрьга-рунгова,
Сон и пек вадря пильгень чалгавга

Чем удалась Надина Палага,
Чем очень хороша с... Палага?
Удалась Палага ростом-фигурой,
Она и очень хороша походкой

(JSFO, вып. 9, песня 6; Ардатовский уезд Симбирской губ.; 38 строк)

Сравните: песни 4, 10, 11, 12, 13 (первые четыре строки в этих песнях нерегулярного размера), 15, 18, 20, 26 и записанные Генец-Нюманом в Самарском уезде песни 39, 41, 42,

44, 45, 46, 47, 49; также песни 7, 9, 10, 11 из раздела эрзянских песен Мордовской хрестоматии).

mordM

Кролань Сёманесь, | секе сёранесь, Фролов Сёмушка, тот же мальчик,
Шары пиренесь, чери кудренесь Вертлявая голова, кудрявые волосы
(Хрестоматия, стр. 53–54; Инсарский уезд Пензенской губ.; 17 строк)

Нят атят-бабат | сынъ кафоненест, Эти старик и старуха они вдвоем,
Стирнят-сёранят синне эднianza Девочки-мальчики у них детишки
(Там же, стр. 56–57; Инсарский уезд Пензенской губ.; 47 строк)

– Вай, мес, цозерьга, | аф ярхчат-симат, – Ой, почему, сестричка не ешь, не пьешь,
Аф ярхчат-симат, морнят аф морат? Не ешь, не пьешь, песенки не поешь?
– Вай, мон ярхцалень, эргеze аяш, – Ой, я бы поела, сил у меня нет,
А мон симолень, веднеze аяш, Я бы попила, водички у меня нет,
Кати моралень, вайгельнеze аяш. Может, спела бы, голосочка у меня нет.
– Мес тон, мокшень стирь, – Почему ты, мокшанская девушка,
аф кштият-морат, не пляшешь, не поешь,
Аф кштият-морат, колай авардят? Не пляшешь, не поешь, а все плачешь?
(Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, ок. 70 строк)

Гораздо реже чем предыдущая встречается другая форма 10-слового размера; в материале, которым я располагал, он встретился только в одной эрзянской песне из Казанской губ. (Чистопольский уезд, зап. И. Зориним):

б) = 4+3+3

– Мекс а молят, | Кирдёво | сазором, – Почему не идешь, младшая сестра Кирдёва,
Тон миненек аштеме, аштеме? Ты к нам в гости, в гости?
– Секс а молян, Олёша лелякай, – Потому не иду, старший братик Алеша,
Мон тиненек аштеме, аштеме: Я к вам гостить, гостить:
Кустимапенк, Олёша лелякай, Ваше крыльцо, братик Алеша,
А ютават, рудазов, рудазов. Не пройдешь, грязное, грязное.
Сайсь узере Олёша лелязо, Взял ее брат Алеша топор,
Кустимапенть мостгизе, сэдизе Крыльцо замостил, покрыл досками
(56 строк)

IV. 11-слогоый стих

а) = 4+4+3

mordE

В напечатанных собраниях песен этот вариант встречается лишь однажды:

Цюлю-балу, | ногаинь эйдь, | балю-лю! Цюлю-балу, ногайское дитя, балю-лю!
Пильге пелей, ногаинь эйдь, люкштшадян, В сторону ног, ногайское дитя, качну,
Пильге вийнес, ногаинь эйдь, совавтан Силу ногам, ногайское дитя, придам
(JSFO, вып. 9, песня 21; Ардатовский уезд Симбирской губ.; 13 строк)

В рукописных материалах эта форма встречается чаще, причем как в эрзянских, так и в мокшанских песнях, например:

mordE

Мейс кезэрень | эрильть парсте | минденек? Почему древние жили лучше нас?
 Нишкепазось эриль седе маласо: Нишкепаз²² жил еще ближе:
 Менеленте кудопрясто кедь сатыль, До неба с крыши дома рука доставала,
 Кезэрь эрзят Нишкепазнэнь сынъ озныльть Древние эрзяне Нишкепазу они молились
 (Чистопольский уезд Казанской губ.; зап. И. Зориным; ок. 75 строк)

Козонь шачнось | Комлянъ ава, | Где рождалась Комлянъ ава²³,
 сон каснось? она вырастала?
 Пиже лугас, мазы таркас сон шачнось На зеленом лугу, в красивом месте она рождалась
 (Самарская губ.; зап. И. Зориным; 73 строки)

Кона думи | урваксто, | никстэме, Который думает жениться, женой обзавестись,
 Кона арси саень полань саеме, Который желает взять жену,
 Сазо моне паро превень кевкстыа, Пусть приходит ко мне хорошего ума спрашивать,
 Мон ёвтаса, урвакстумась кодамо. Я расскажу, женитьба какова.
 Лома лангсто сон неяви истямо, На людях она видится такой,
 Тундонь чинень, мазы чинень кондямо Как весенний день, как красивый день
 (Самарская губ., зап. И. Зориным, ок. 360 строк)

Калмазырь лангс | прохожайка | пачколось. На кладбище прохожая добралась.
 «Ноламизьга, калмазырнят, удомо» «Пустите-ка, кладбища, спать»
 (Уезд Городище Пензенской губ.; зап. И. Школьниковым)

«Мейс, авакай, | вельть мазыстэ | шачтымек, Почему, матушка, очень красивым меня родила,
 Мейс, авакай, вельть мазыстэ кастымек?» Почему, матушка, очень красивым вырастила?
 «Секс, дираякай, вельть мазыстэ шачтытень, «Потому, дитяtko, очень красивым тебя родила,
 Секс, Ванякай, вельть мазыстэ кастытень: Потому, Ванечка, очень красивым вырастила:
 Шачи сюронь, пиже какай, видицякс» Родящего хлеба, маленький мой, сеятелем». «Не буду, мама, черную землю папушцим,
 «А улян, авай, равжо модань сокицякс, «Не буду, мама, родящегося хлеба сеятелем»
 А улян, авай, шачи сюронь видицякс»
 (Алатырский уезд Симбирской губ.; 14 строк, из которых две содержат 12 слогов и имеют схему: 5+4+3)

Митянь Кулясь | чачумнядо | удалась, Митина Акулина рождением удалась,
 Бояравась касумнядо угодавьсь. Боярыня взрослением угодила.
 Кемгафтово Митянь Кулясь годт эрзась, Двенадцать лет Митина Акулина жила,
 Годонь коряс кемгафтово паля тейсь. За двенадцать лет двенадцать рубах сделала.
 (Петровский уезд Саратовской губ.; зап. И. Школьниковым; 19 строк)

mordM

Стяка, стяка, | Аринушка, | ставайка «Вставай-ка, вставай-ка, Аринушка, вставай-ка
 Начка сёронь, Аринушкой, стяфнеме, Мокрое зерно, Аринушка, поднимать,
 Тингень сёронь, Аринушкой, теляма! Зерно на гумне, Аринушка, молотить!»
 «Тята мерна, мазаканей, тят ува! «Не ворчи, невестушка²⁴, не лай!
 Монь пренезе, мазаканей, среди, Моя головушка, невестушка, болит,
 Презень коряс теланезе сифорди По моим ощущениям²⁵, мое тело дрожит
 Телазень коряс пильгоне шулькетишь По ощущению моего тела, мои ноги ломят
 (Пензенская губ.; зап. С. Сирикиным; 28 строк)

Илеть мады Фёдронь Татюсь, аварди, Шобдава стей Фёдронь Татюсь, кольгенди. Татюнезе сон аш кудса, баняса, Куть баняса, бане морга вальмала (Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 31 строка)	Вечером ложится Федорова Татю, плачет, Утром встает Федорова Татю, слезы льет. Татюшки нет дома, она в бане, Хоть в бане, у банного окна за столом
--	---

11-слоговые строки иногда встречаются в другой форме

$$б) = 4+3+4$$

mordE

Удынь, удынь, урякай, мон удокшнынь. Апаро оннэ, урякай, мон неекшнинь: Буто эрятанк, урякай, вель(е) ушосо, Вель(е) ушосо, урякай, покш паксясо, (JSFO, вып. 9, песня 5; Ардатовский уезд Симбирской губ.; 25 строк)	Спала, спала, невестушка, я спала. Плохой сон, невестушка, я видела: Будто живем мы, невестушка, на околице, На краю деревни, невестушка, в большом поле,
---	--

Также редким является следующий вариант

$$в) = 5+3+3$$

mordE

Вай, Андям, Андям, Андямо од цёра, Сон коть вейкине, Андямо удалась, Уж коть съкамнендзэ, од цёра пек паро. <...> Корты од цёра, вай, диринь тетянстэ, Вай, иштё корты сон ваньнь корьманстэ: «Вай ух, авакай, тон улят диринем, Тон корьминецькем монь улят ваньнем, Мон ванса, стака, авакай, ней тоне, Лама забота, авакай, заботят <...> Тон ознокая тон Нишкепазонте, Тон сюкуньякая, вай, Мастораване (Чистопольский уезд Казанской губ.; зап. И. Зориным; 145 строк)	Ой, Андям, Андям, Андямо молодой парень, Он хоть единственный, Андямо удался, Уж хоть одинешенек, молодой парень очень хороший. <...> Говорит молодой парень, ой, родному батюшке, Ой, еще говорит он своей родной матери: «Ой, ух, матушка, ты родимая, Ты кормилица моя, моя матушка, Я смотрю, тяжело, матушка, сейчас тебе, Много забот, матушка, тебя заботит» <...> Ты помолись-ка Нишкепазу, Ты поклонись-ка Мастораве ²⁶
--	--

Вай, мастор лангонь Макоро пек сюпав, Вай, менель алдонь Макоро пек эрьмев. Вай, мездень ульнесь Макоро пек сюпав, Да мездень ульнесь Макоро пек эрьмев? Апак видть суро Макоронь пек шачиль, А соки-изы, сурозо пек ламо. Сон три скотинат Макоро, пек раштыть, А леди тикше, тикшезэ пек ламо. <...> Сынь а лисевить не трямот сусикстэнтъ, Сон весть аволдась ловатя, чавиндзе. (Самарская губ.; зап. И. Зориным; 103 строки)	Ой, на земле Макоро очень богатый, Ой, под небом Макоро очень зажиточный. Ой, чем был Макоро очень богат, Чем был Макоро очень зажиточен? Непосеянное зерно у Макоро очень рождалось, Не пашет, не сеет, а зерна у него очень много. Он, Макоро, держит скотину, у него она очень плодится, Не косит траву, травы у него очень много. <...> Они не переводятся эти выращенные из сусеков, Он, снеговик ²⁷ , раз взмахнул, побил.
--	--

V. 12-слоговой стих

Так же, как и предыдущий 11-слоговой стихотворный размер, встречается в трех видах:
а) 4+4+4 (или 4+4+3+1)

Этот вариант не встречается в песнях из печатных сборников. Поэтому следующий пример взят из рукописного материала:

mordE

Утянь, Утянь, | а Утяша, | сазорнэм | монь,
Утянь, Утянь, а Утяша, дугинем монь.
Сисем алянъ а Утяша ве сазор ней,
Сисем урянъ а Утяша парья ней

<...>

«Мейс меляфат, а Утяша, дугинем монь?»
«А авардян, покш алякай, месьт тейнян мон,
А меляфтан, покш лелякай, ков молян мон?»

<...>

Коли вешнят, покш алякай, таркине тень,
Коли муят, покш лелякай, польне тень,
Паля казян, покш алякай, истямо мон»

<...>

Серьгедекшнесь а Утяша вайгельсэ ней:
«Апар морось монь часиянтъ саезе ней!»

(Самарская губ., зап. И. Зориным, 45 строк)

Утя, Утя, а Утяша, младшая сестрица моя,
Утя, Утя, а Утяша, сестрица моя.

Уж у семи братьев Утяша одна сестра,
Уж у семерых снох Утяша золовка

<...>

«Почему печалишься, Утяша, сестрица моя?»
«Не плачу, старший братец, что делаю я,
Не печалюсь, старший братец, куда пойду я?»

<...>

Если найдешь, старший братец, местечко мне,
Если найдешь, старший братец, муженька мне,
Рубаху подарю, старший братец, такую я»

<...>

Уж крикнула Утяша голосом:

«Уж плохая болезнь²⁸ мое счастье забрала!»

Ёмафтызе | берянь ава | од цёрыненъ,
Вальмафтызе берянь ава од алиненъ.
Чапаккендзэ берянь ава сон теизе.
Каянь понкссо берянь ава сон
вельтизе.

<...>

Сисем плошкат каязь пия сон симекшнесь
<...>

Мир-мар мери катка патянь сон судозо

Цивдёрт мери катка патянь сонъ поназо,
<...>

Наволк мери катка патянь мукорнезэ.

(Самарская губ., зап. И. Зориным, 16 строк, одна из которых нерегулярная – 16-слоговая)

Погубила плохая женщина молодого парня,
Сглазила плохая женщина молодого мужчину.
Тесто плохая женщина сделала.
Снятыми портками она, плохая женщина,
накрыла.

<...>

Семь плошек налитого пива она выпила
<...>

«Мир-мар» говорит кошкин нос (мурлычет
кошка)

Поблескивает у кошки шерсть,

<...>

Склизенькая у кошки попка

Удынь, удынь, | урькай-авкай, | мон
удукшнынь,
Апар оннэ, урькай-авкай, мон неикшнинь.
Буто тьяивинь, урькай-авкай, покш пакси-
нес.

Покш паксясонть, урькай-авкай, покш
губонькске.

<...>

Иляк ёвтне, авне-душа, ламо
ломань,

Он неевткетъ, авне-душа, авуль
берянь

(Уезд Городище Пензенская губ., зап. И. Школьниковым, 14 строк; в первой группе слогов третьей строки вместо четырех насчитывается пять слогов)

Спала, спала, невестка,
я спала,

Плохой сон, невестка, я видела.

Будто оказалась я, невестка, в большом
поле.

В большом поле, невестка, большой
бугорок.

<...>

Не рассказывай, младшая золовка, многим
людям,

Увиденный твой сон, младшая золовка, не
плохой

mordM

Удалакшнэсь козейть Маврац шачемняда, Удалакшнэсь козейть Маврац касомняда. Эзь удала эрямняда-аштемняда. Сери пичень, матрань кузонь ронгоняса, Седе лангонь круглай репсонь шаманяса, Паксе ёронь, ава ёронь сельмоняса (Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 41 строка)	Удалась у богатых Мавра при рождении, Удалась у богатых Мавра при взрослении. Не удалась жизнью. Как у высокой сосны, развесистой ели у нее фигура, Ее лицо, как круглая репа, Как у перепелки у нее глаза
--	--

Азорава, баярава, одервенесь. Коста музе туганезе ведь вешезе? Вяри варджан, рьвенезе макокс панджи, Алу варджан, рьвенезе зарякс палы (Мокшанская свадебная песня из Спасского уезда Тамбовской губ.)	Хозяюшка, боярыня, молодая невестка. Где нашел мой младший брат, ведь отыскал? Вверх посмотрю, моя сноха маком открывается, Вниз посмотрю, моя сноха, как зоря горит
--	---

Ульсь акшоне одрвенесь, ульсь мазыне: Шамац акша рьвенезень, беленане, Сон якстерне рьвенезень, руманане (Другая свадебная песня из той же мокшанской деревни)	Была беленькой молодая невестка, была красивенькой: Лицо белое у невестки, беленое, Оно красненькое, у невестки, румяное.
--	--

Эрьде, кудат, эрьде тугат, сада курок, Кувать учихть анок кильдень ракша- ненде (И еще одна свадебная песня, все из той же деревни)	Давайте, сватья, давайте братья, приходите скорее, Давно ждут приготовленные запряженные лошади
--	---

Веле песа, прагон ланкса путонь кудне. Се кудняса колм(а) идь мархта салдаткане. Велети састь сьда пеле кусарюшка. Семб(е) кусархне не сюдофне кудга сувсесь (Инсарский уезд Пензенской губ., 27 строк)	На краю села у дороги построенный домик. В том домике солдатка с тремя детьми. В село пришли сто пятьдесят гусарушек. Все эти проклятые гусары в дома заходили
---	---

б) = 4+5+3
mordE

Иля, иля, бояронь тейтерь, аварде, Иля, иля, азоронь тейтерь, аварде! Улян сюронь, бояронь тейтерь, видишка, Улян солонь, азоронь тейтерь, рамишка (JSFO, вып. 9, песня 43, зап. Генец-Ньюманом, 9 строк; последняя строка состоит всего из семи слогов).	Не плачь, боярская дочка, Не плачь, хозяйская дочка! Буду зерна, боярская дочка, сеятелем, Буду соли, хозяйская дочка, покупателем
--	---

Сюпавт якить вишка Катинень мельганзо, Козявт якить вишка Катинень кисэнзэ (Уезд Городище Пензенской губ., зап. И. Школьниковым)	Богатые ходят за маленькой Катюшей, Богачи ходят за маленькой Катюшей
--	--

mordM

Сюдоф, сюдоф сюдоф Сергеень Васенесь! Акша келу Сергеень Васесь ронгонесь, Сура-пача Сергеень Васесь шаманесь (Пензенская губ., зап. С. Сирикиным)	Проклятая, проклятая, проклятая Сергеева Василиса! Фигурка у Сергеевой Василисы, как белая береза, Личико у Сергеевой Василисы, как пшениный блин
--	--

в) = 5+4+3
mordE

Вай, косонь, косонь Кузьмань Даря аварди, Вай, косонь, косонь Кузьмань Даря мелявты? <...>	Ой, где, где Кузьмина Дарья плачет, Ой, где, где Кузьмина Дарья тоскует? <...>
Вай, вандынь чизэ, атявтокай, недлячи, Вай, вандынь чизэ, менельнякай, празникчи. <...>	Ой, завтрашний день, свекор мой, воскресенье, Ой, завтрашний день, небушко, празд- ничный день. <...>
Вай, вешка Полинесь монь мартом а моли, Ах, вай, вешка вастась монь мартом а моли	Ой, маленькая Полина со мной не идет, Ах, ой, маленькая супруга со мной не идет

(JSFO, вып. 9, песня 22, Ардатовский уезд Симбирской губ., 20 строк, из которых две (приведенные выше последними в отрывке) нерегулярны и следуют схеме: 6+3+3)

Исинень саетфь татар мурдзань полоазо, Улкинень максофт бояр мурдзань вастазо, Сонсь кува яки татар мурдза, аварди, Уж кува паки бояр мурдза, меляфты <...>	Вчера взятая татарского мурзы супруга, Недавно отданная боярина мурзы супруга, Сам где ходит татарский мурза, плачет, Уж где похаживает боярин мурза, печалится <...>
Тон чокшне ацък, татарава, сынст таркаст, Уж валске максык, боярава, сынст ведест (Самарская губ., зап. И. Зориним, 30 строк, из которых две выпадают из общего прави- ла и состоят из 9 слогов)	Ты вечером постели, татарка, их постель, Уж утром дай, боярыня, их воду

mordM

Абрань Маланесь кайги пайгонь салайнесь. Костонь аф костонь Малазе пайкть салазе? Оцю лугаста, рузонь Ванькань дугаста. Пельсь кулемняда, кель юрняда кундазе. Пельсь неемняда, пол алонза путозе Аленяц уды од куд эзем беряса. «Стяка, алякай, стяка, алякай, горьмакай! Апак работак сёксь дацецень каяса, Тундань дацеци кардса карей лишмецень. Оцю бедацти горнецяса вастозе, Вастозень ала дедезень сундукоц, Сундукть эса улихть котф керенсонза, Сят керенксонзон, алей, мисайнек, Пуста бедацень, алей, минь панцаськ». (Темниковский уезд Тамбовской губ., зап. С. Чигиним; некоторые строки отличаются по количеству слогов)	Абрамова Маланья звонкого колокольчика воровка. Откуда Маланья колокол украдала? С большого луга, у русского Ваньки с дуги. Боялась услышат, за кончик языка схватила. Боялась увидят, под полу положила Батюшка спит в новом доме на лавке. «Вставай-ка, батюшка, вставай-ка, батюшка, родимый! Не работая, осеннюю подать внесу, К весенней подати – в хлеву твой карий конь. К большой беде ²⁹ в горнице моя постель, Под постелью мамин сундук, В сундуке есть рулоны холста, Эти рулоны, отец, продадим, Пустую беду, отец, мы прогоним».
---	--

VI. 13-слоговой стих

a) = 4+4+5 (или 4+4+4+1)

mordE

Душманц неизе, | кольцо арцезэ | вешка По-
линенть,
Кольцо арцезэ, ялгай-дугай, апокш вастыненць!
<...>
Монь кевкстимим, киведимим: «Тон ней ков
якить?»
«Вай, мон якинь, одд' цёракай, полань
маштомо»

(JSFO, вып. 9, песня 1; Ардатовский уезд Симбирской губ.; 62 строки)

Душман увидел, надумал маленькую Поли-
нушку (взять),
Надумал, друг, небольшую супругу (взять)!
<...>
Меня спросил, расспросил: «Ты сейчас
куда ходила?»
«Ой, я ходила, молодой парень, супруга
убивать»

Аволинь шачт, | аволинь каст, | тейтерья-
какс | мон
Тейтерьякакс, ох, авакай, лома урекс мон!
Шачоволинь, касоволинь покш кичирес
мон,
Покш кичирес, ох, авакай, мазы килейкс мон.
Киява моли одд' цёрыне, керявлимим
монь,
Чуркань-чуркань, ох авакай, керцевлимим монь
<...>
Од цёратнень, од тейтертнень киштефевлинь
мон,
Одирьватнень мирдест маро турефевлинь
мон

(Самарская губ., зап. И. Зориним, 13 строк, в одной из которых первая слоговая группа состоит из 5 слогов вместо четырех)

Не родилась бы, не выросла бы, девоч-
кой я
Девочкой, ох, матушка, чужой рабыней я!
Родилась бы я, выросла бы я у края боль-
шой дороги,
У края большой дороги красивой березой я.
Идущий по дороге молодой парень срезал
бы меня,
На чурки, ох, матушка, разрезал бы меня
<...>
Молодых парней, молодых девушек заста-
вила бы плясать я,
Молодых жен с мужьями заставила бы
драться

А те чувтсонть, | первой чувтсонть | кукут
кукордыть.
Мезть кукурдыть, мезть вакурдыть? Эсь ну-
жаст ёфтнить.
А те чувтсонть, другой чувтсонть, нармутъ
чолидить.
Мезть чоледить, мезть валюдить? Эсь морост
морыть.
<...>

Гайги срипкась, балалайкась, од цёранть
кедьсэ.
«Мейс авардят, мейс ченярдат, тяттеръ
парочи?»
<...>
Кямень сурнэнь тонь суркскетне, тейтеръ,
монь сурцо.

(Уезд Городище Пензенской губ., зап. И. Школьниковым, 16 строк)

А на этом дереве, на первом дереве, кукуш-
ки кукуют.
О чем кукуют, о чем воркуют? О своих
нуждах рассказывают.
А на этом дереве, на другом дереве, птицы
чирикают.
О чем чирикают, о чем поют? Свои песни
поют.
<...>
Звонкая скрипка, балалайка у молодого
парня в руках.
«Почему плачешь, почему расстраиваешь-
ся, хорошая девушка?»
<...>
С десяти пальцев твои колечки девушка,
на моих пальцах

mordM

Кона види | патравс сёра, | мерьгоз:
«Сёрзе аш!»

Куть видесы, куть сокасы, жватат тапасазь.
Кенеремок, сонь касомок, жватат сивын-
цазь.

Кона тирей сараст, мацишь, мерьгоз:
«Швата(е) аш!»

Лиштемакаст, нарвамакаст кавалхт
салсесазь,

Толгайемок, потчкайемок ломать шавонцазь
(Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 44 строки)

Который сеет на потраву зерно, пусть ска-
жет: «Нет у меня зерна!»

Хоть посеет, хоть вспашет, скотина потопчет.
Зрелую, выращенную скотина
съест.

Который держит кур, гусей, пусть скажет:
«Нет у меня скотины!»

Выведенных, высиженных коршуны
украдут,

С перьями, со стеблем птичьего пера люди убьют

Ведь омб ширса, | оцю вирьса | пиже
лугане,

Лугать ланкса цецятпацят, кайги корейнят.
Нень юткова, вай, лоткова сие ведь
шуди,

Лей трваса, куборняса арзят, луженят,
Арзеняса, луженяса тиень уженят,
Уженяса, луженяса керонь нюрямне,
Нюрямняса, нуланяса цёра тьякане

(Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 30 строк)

На другой стороне воды³⁰, в большом лесу
зеленый лужок,

На лугу цветы, звенящие корни.
Между ними, ой, по оврагу серебряная вода
течет,

На берегу реки, на бугорочке сундуки,
В сундуке, внизу сделанные уголки,
В уголке, внизу вырезанная колыбелька,
В колыбельке, в пеленочках мальчик дитя.

Илеть мады | крнай лейнесь, | колай
аварди,

Шобдава стей сетьме веднесь, вай, сон
кольгенди.

Мокшень стерне, сюдоф ломань, лейнеть
марезе.

«Мес авардят, крнай лейне, вай, тон
тяшкава,

Мезень оцю, сетьме ведне, тонь
нужанеце,

Мезень оцю, виде лейне, тонь
печальнеце?»

«Оцю, оцю, мокшень стирне, монь нужа-
незе,

Сядонг оцю, уряженькай, монь печальнезе,
Вельхксан уленць офтокс рангишьт сире
тумоне»

(Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 36 строк)

Вечером ложится бурлящая речка, все
плачет,

Утром встает тихая водичка, ой, она слезы
льет.

Мокшанская девушка, проклятый человек,
речку услышала.

«Почему плачешь, бурлящая речка, ой, ты
так сильно,

Какая большая, тихая водичка, у тебя
нужда,

Какая большая, прямая речка, у тебя
печаль?»

«Большая-большая, мокшанская девушка,
у меня нужда,

Еще больше, невестушка, у меня печаль,
Надо мною были по-медвежьи рычащие
старые дубочки»

б) = 5+5+3

mordE

Те куринкасо монсинь кондямо стирь арась, Роштувань кудса монсинь кондямо гость арась. Весе цёратне, веженсь лелякай, вечксамизь, Чапан пол алоост, веженсь лелякай, кирдьсамизь. <...> – Ко дяйдить ³¹ , Матря, тон чачи-касы превинеть? – Превнем саиндзе Ивановь мазы Нефёта <...> Вай, пуви варма, веженсь лелякай, салындзе	На этой улице подобной мне девушки нет, В Рождественском доме таких, как я, гостей нет. Все парни, младший братик, любят меня, Под кафтаном, младший братик, держат. <...> – Куда подевала, Матря, ты свой прирожденный ум? – Ум мой забрал Иванов красивый Фёдор <...> Ой, дующий ветер, младший братик, унес (украл) (Петровский уезд Саратовской губ., зап. И. Школьниковым, 16 строк)
---	---

Вай, чачумняда Иванынь Матря удалась, Вай, касумняда Иванынь Матря удалась. <...> Сельми лисима! Липа торговой неIZE, Сон черьпулуда Липа торговой кундызе (Хвалынский уезд Саратовской губ., 18 строк, одна из которых отличается и состоит из 12 слогов, сгруппированных по схеме 4+5+3)	Ой, рождением Иванова Матря удалась, Ой, взрослением Иванова Матря удалась. <...> Глаза выпучила! Липу торговец увидел, Он, Липу, за косу торговец поймал
--	---

Вай, шачумадо Ивановь Устя вейкине, Вай, касомнеде Ивановь Устя ськамнендзэ. Уж коть вейкине, Ивановь Устя удалась, Вай, коть ськамнендзэ, Ивановь Устя удалась. <...> Базаров моли, те Иван атя сайсазо <...> Молят а молят, Устюша, дочам, базаров? <...> Вай, молян, молян, ох, а тетякай, тиринем (Самарская губ., зап. И. Зориним, 45 строк)	Ой, с рождения Иванова Устинья единственная, Ой, росла Иванова Устинья одинешенька. Уж хоть единственная, Иванова Устинья удалась, Ой, хоть одинешенька, Иванова Устинья удалась. <...> На базар пойдет, этот старик Иван возьмет <...> Пойдешь, не пойдешь, Устиньюшка, до- ченька, на базар? <...> Ой, пойду, пойду, ох, батюшка, родимый
---	--

Вай, шачомнеде Савань Терюша вейкине, Вай, касомнеде Савань Терюша ськамнендзэ. Удалась сэрьга Савань Терюша, рунгова, Удалась пильгень, Савань Терюша, чалгафтка <...> Уж суронь суронь ашо перчаткат кедьсэндзэ <...> Полустамитной сондзо кушакке перькандзо (Самарская губ., зап. И. Зориним, 58 строк)	Ой, с рождения Савина Терюша един- ственная, Ой, росла Савина Терюша одинешенька. Удалась ростом Савина Терюша, фигурой, Удалась Савина Терюша походкой <...> Уж как белое пшено, перчатки у нее на руках <...> Полустамитным кушаком она подпоясана
---	---

mordM

Вай, пинесь, пинесь, | вай, пинесь Кандонь | Ой, собака, собака, ой собака, Кандин
 Навумнесь, Наумушка,
 Кандонь Навумнесь, сон ульцень шары Кандин Наумушка, по улице
 пиренесь! кружащийся!
 Навумнесь якай Саранской ульце квалмане, Наумушка ходит по Саранской улице,
 Ульце квалмане, тарговой лафка лангане По улице, по торговым лавкам (рядам)
 (Мордовская хрестоматия, стр. 54–55, Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 42 строки)

Яшань Таренесь, | акша бумагань | Яшина Дарьюшка, как белая бумага ее
 паленесь, платьеце,
 Сон кагод-котфонь, кагод-котфонь Она бумагу-холст, бумагу-холст
 кодайнесь. ткущая.
 Тарюне срхкай Цифтамаз вели Дарьюшка собирается в село Цифтамаз³²
 ацеме. погостить.
 Ащесь неделе Яшань Тарюнесь, сон кафта Погостила неделю, Яшина Дарьюшка, две
 (Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 37 строк, из которых 2 строки нерегулярные –
 12 слогов, по схеме: 5+4+3)

Вай, судоф, судоф, | вай, судоф Молень | Ой, проклятый, проклятый, ой, проклятый
 Иванесь, Молин Иванушка,
 Молень Иванесь, сон виде штатол Молин Иванушка, он прямой, как
 ронгонесь, свеча,
 Молень Иванесь, вай, палы штатол сель- Молин Иванушка, ой, его глаза, как горя-
 монесь, щая свеча,
 Молень Иванесь сон кочкань снавонь Молин Иванушка, по горошине собирав-
 превинесь. ший свой разум.
 Ива среди фталда утомста эземса, Иван болеет позади амбара на скамейке,
 Пиже сендиень, вай, ацам Ивать Из зеленого камыша, ой, под Иваном
 алонза, перина,
 Мацинь пухонь, вай, Ивань тоду Из гусяного пуха, ой, под головой у Ивана
 прялонза подушка
 (Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 49 строк)

Вай, судоф, судоф, | вай, судоф Тотань | Ой, проклятая, проклятая, ой, проклятая
 Кеневась, Татина Кенева,
 Кати Кеневась сон шкаень судофсь Может, Кенева она богом
 кенергась. проклятая.
 Сон колмогемьнь киза стирькс зряф сон Она тридцать лет незамужней³³ она
 зрьсь, жила,
 Вай, колма парнят Кенева акша котф Ой, три кадушки Кенева белого полотна
 кодась, наткала,
 Сон колма ардзят Кенева судофсь пале Она, проклятая Кенева, три сундука плать-
 тись. ев сделала.
 Аяш севиная судоф Кеневань, Нет замуж проклятую Кеневу берущего,
 анайняц. зовущего.
 Кенева муськи Рава трваса, лейняса Кенева стирает на берегу Волги, в реке
 (Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 48 строк)

VII. 15-слоговой стих

a) = 4+4+4+3

mordE

Кода кадсак | тейтерь мельга, | цёранякай, |
| чийнимат?

Кадык, кадык, цёранякай, табактояк
таргамот!

«Кода якинъ, бабанякай, бабанъ кашав,
базаров,

Тонавтымизь, бабанякай, монъ таргамо
табакто.

Сестэ кадса, бабанякай, табактояк
таргамом,

Кода кадса, бабанякай, тейтерь мельга
чийнимам!»

(JSFO, вып. 9, песня 8, Ардатовский уезд Симбирской губ.)

Как оставишь за девушкой, сыночек,
бегать?

Оставь, оставь, сыночек, и махорку
курить!

«Как ходил я, бабушка, на бабью кашу,
на базар,

Научили меня, бабушка, курить
махорку.

Тогда оставлю, бабушка, и махорку
курить,

Как оставлю, бабушка, за девушкой
бегать!»

– Ёмить, ялгай, | арыть, ялгай, | тувонь
стадас | сиведить!

– Эзинь ёма, эзинь ара, тувонь стадас
сивединь.

Кизна ваньны тувонь стада, кизна ярсынъ
кизазде,

Кизэ чине мон кизазде, теле чине –
телязде

(Самарская губ, зап. И. Зориним, 13 строк)

– Пропал, друг, стал, друг, нанялся за
стадом свиной смотреть!

– Не пропал, не стал я за стадом свиной
смотреть.

Летом пас я стадо свиной, летом (ел) то,
что лето даст,

В летний день я (ел), что лето даст,
в зимний день, что зима даст

б) = 5+5+5

mordM

Коса аварди | козейнь Алёнась, | кудре
препонась,

Коса кольгенди козейнь Алёнась, ламбама
понась?

<...>

Мазакац авац козейнь Алёнать а сон
марезе.

<...>

– Тон мес авардят, стирей-иднякай, а тон
тяшкава?

Тон мезень оцю, стирей-иднякай, тонъ ну-
жанеце,

Тонъ мезень оцю, стирей-иднякай, тонъ
печальнеце?

– Монъ оцю оцю, мазакай-авай, монъ нужда-
незе,

Сядонга оцю, мазакай-авай, монъ печальне-
зе.

Мон апак удок, мазакай-авай, оннат
неиндян

(Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 28 строк)

Где плачет у богатых Алена, кудрявые
волосы,

Где льет слезы у богатых Алена, приятная
внешность?

<...>

Сношенька-матушка у богатых Алену
услышала.

<...>

– Ты почему плачешь, дочка-деточка, так
сильно?

У тебя какая большая, дочка-деточка,
у тебя нужда,

У тебя какая большая, дочка-деточка,
у тебя печаль?

– У меня большая, большая, сношень-
ка-матушка, у меня нужда,

В сто раз больше, сношенька-матушка,
у меня печалюшка.

Я без сна, сношенька-матушка, sny
вижу

VIII. 16-слоговой стих

a) = 5+5+5+1

mordE

Вай, маринь, кулинь, | алякай-душай, | паро
кулядот | ней,
Вай, маринь, кулинь, алякай-душай, сюнав
славадот ней.
Органь вепеле, алякай-душай, путонь куды-
неть ней
Вай, омбо пеле, алякай-душай, путонь утомот
ней
<...>
Мон кильдевия кардсо ракшинеть, аляне
туинь мон.
Кода пачкодинь алянь веленте, кевстьян,
киведян ней:
Уж косо алянь кудондзо-чинзэ, косо юртозо
ней?
<...>
Вачкодинь кедень, мон нединь сурон, уж
таймазкадынь ней
(Самарская губ., зап. И. Зориным, 35 строк)

Ой, слышала, услышала, отец-душа,
о хороших новостях твоих сейчас,
Ой, слышала, услышала, отец-душа,
о богатой славе твоей сейчас.
По одну сторону ворот, отец-душа,
построенные домики теперь
Ой, по другую сторону, отец-душа,
поставленные амбары теперь
<...>
Я попросила запрячь во дворе лошадку,
к батюшке отправилась я.
Как добралась в отцовскую деревню,
спрошу, поинтересуюсь теперь:
Уж где отцов дом, где живет он
теперь?
<...>
Ударила руками, я сжала пальцы, уж
оторопела сейчас

б) = 4+4+4+4

mordE

Аволинь шачт, | аволинь каст | цёратякакс, |
цёраэйдекс.
А вечкан мон важадима, сёксень стакань
кепедима.
Чачовлинь, мон касовлинь шожда нар-
мунькс, нимиявнекс!
Ков арсевлинь, тов ливтявлинь, козо
мельнем, мон валговлинь,
А таркасонть мон эрявлинь, мон ливтявлинь,
уж валговлинь
Ине лугас, Рав лугинес, луга куншкас,
сильдей принес
(Самарская губ., зап. И. Зориным, 92 строки, из них 2 – нерегулярные)

Не родился бы, не вырос бы дитем-мальчи-
ком, ребенком-мальчиком.
Не люблю я работу, осеннюю тяжесть
поднимать.
Родился бы я, вырос бы легкой птичкой,
бабочкой!
Куда задумал бы, туда полетел бы, куда
хотел бы, я приземлился бы,
Не на одном месте я жил бы, я летал бы,
уж приземлялся бы
На большой луг, на луг у Волги, на сере-
дину луга, на верхушку кочки

IX. 17-слоговой стих = 5+5+4+3
mordM

Ива понджафни | козь алень тингса | чистой
тозёр | варафке.
Эсь мерасонза, эсь корясонза од палшупкац
ланксонза,
Муромста рамаф, лавкаста кочкаф Московонь
кушак перьфканза,
Нижнайста рамаф, лавкаста кочкаф, плисвай
вазняц прысонза.
Мельганза якай шкайняц теденяц авардезне,
кольгезне.
«Куду, Иваней, куду, иднезе, куду братне
тердедезь!
Братне тердедезь, Ивай эднезе, брадонь
шербань таргама,
Шербань каяма, Ивай иднезе, прадонь
тештенъ лувомал!»
Шерб(а) апак таргак, тешт(е) апак каяк,
кренной салдатс монсь улян
(Пензенская губ., зап. С. Сирикиным, 23 строки)

Иван просеивает у богатого мужика на
току чистой пшеницы ворох.
Своей мерой, по-своему, в новом
полушубке,
В Муроме купленным, в лавке выбранном
Московским кушаком подпоясанным,
В Нижнем купленная, в лавке выбранная,
плюшевая шапка у него на голове.
За ним ходит матушка заступница, плачет,
слезами заливается.
«Домой, Иванушка, домой, дитятко, домой
братья позвали!
Братья позвали, Иванушка, дитятко,
среди братьев жребий вытащить,
Жребий бросить, Иванушка, дитятко,
братский знак прочитайте!»
Жребий не вытаскивая, знак не бросая,
коренным солдатом сам я буду

Приложение

9-словые строки со схемой 4+5 встречаются также в вышедшем в конце 1910 г. сборника мордовских песен Саратовской губернии [Мордовский этнографический сборник] под редакцией академика А.А. Шахматова (песни 54 и 55, стр. 543–548), например:

Колмы годнэть | ульнись губанца,
Колмы ийнить ульнись ногайса

Три года был в плену у губанцев,
Три года был в плену у ногайцев

По мнению издателя сборника, в песне 71 (стр. 580) наличествует также 14-словой вариант со схемой 4+3+4+3:

Голодяфкань атятне – ашы капста синь
брятне

Голодяфкинские мужики – как белая
капуста у них головы

Мне, однако, кажется более верным рассматривать данный стихотворный размер как семислоговой: кроме того, согласно данным самого Шахматова, оба полустишия, на которые распадается эта 14-словая строка, пропеваются с одной и той же мелодией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как отмечает исследовательница С. Сааринен, в первые годы существования Финно-угорского общества, основанного в 1883 г., финансовую поддержку обществу оказывали многие иностранцы, одним из которых был англичанин Джон Аберкромби (John Abercromby), даровавший 50 фунтов стерлингов на изучение языков Поволжья, родственных финскому, а также обещал поддерживать это исследование в дальнейшем. Общество решило использовать деньги на исследование мордвы и объявило соответствующий конкурс на получение стипендии,

которую получил Х. Паасонен (Сааринен С., 2009, с. 32).

² Proben der mordwinischen Volksliteratur. Gesammelt von H. Paasonen. Erster Band. Erzjanischer Theil. Erstes Heft. Erzjanische Lieder // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1891. B. 9. 237 p.

³ Proben der mordwinischen Volksliteratur. Gesammelt von H. Paasonen. Erster Band. Erzjanischer Theil. Zweites Heft. Erzjanische zauberspruche, opfergebete, räthsel, sprichwörter und märchen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1894. B. 12: 1, pp. 1–154.

- ⁴ Paasonen H. Mordvinische lautlehre // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. B. 22. Helsingfors, 1903. 123 p.
- ⁵ Paasonen H. Die finnisch-ugrischen s-Laute. I. Anlaut. Helsingfors, 1903. (перепечатана: Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 41. Helsinki, 1918).
- ⁶ Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte (I–VI) // Keleti Szemle. 13–17. 1912–1916/17.
- ⁷ Paasonen H. Matkakertomus mordvalaisten maalta // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1890. B. 8, pp. 138–142; Paasonen H. Matkakertomus mordvalaisten maalta // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1900. B. 17: 3, pp. 1–13. Paasonen H. Matkakertomuksia vuosilta 1900–1902 // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1903. B. 21: 5, pp. 1–22;
- ⁸ Paasonen H. Mordwinische chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem abriß. Helsingfors, 1909. 155 p.
- ⁹ Paasonen H. Die türkischen lehnwörter im mordwinischen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1897. 15: 2, pp. 1–64.
- ¹⁰ Paasonen H. Die sogenannten Karataj-mordwinen oder Karatajen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1903. B. 21: 1, pp. 1–51.
- ¹¹ Paasonen H. Über die ursprünglichen seelenvorstellungen bei den finnisch-ugrischen völkern und die benennungen der seele in ihren sprachen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1909. B. 26: 4, pp. 1–27.
- ¹² Paasonen H. Mordvalaisten mytologia // Tietosanakirja [Encyclopedia]. Kuudes osa [Vol. 6]. Mandoliini – Oulonsalo. Helsingissä, 1914. P. 699–701.
- ¹³ Paasonen H. Mordvins // Encyclopædia of religion and ethics. Ed. James Hastings. Vol. 8. Live and death – Mulla. 1917. P. 842–847.
- ¹⁴ Mordwinische Melodien / Phonographisch aufgenommen und herausgegeben von A.O. Väisänen. Helsinki, 1948. 207 p. Mémoires de la Societe Finno-ougrienne. Vol. 92.
- ¹⁵ Финно-угорское общество совместно с Научно-исследовательским институтом языков Финляндии готовят электронную версию мордовского словаря, рабочая версия которого размещена на сайте его составителя Дж. Руетера (Jack Rueter) (URL: <https://www.mv.helsinki.fi/home/rueter/PaasonenMW.shtml> (дата обращения: 15.10.2022)).
- ¹⁶ Paasonen H. Über den versbau des mordwinischen volksliedes // Finnisch-ugrische forschungen. 1910. B. 10, pp. 154–192.
- ¹⁷ Перевод с немецкого выполнил кандидат исторических наук В.Г. Тельминов при участии кандидата искусствоведения П.С. Шахова; перевод фольклорных текстов с уральского фонетического алфавита на кириллицу осуществила кандидат филологических наук Л.А. Гурьянова; перевод на русский язык эрзянских и мокшанских фольклорных текстов выполнил кандидат философских наук И.В. Зубов.
- ¹⁸ Proben der mordwinischen Volksliteratur. Erster Band. Erzjanischer Theil. Erstes Heft. Erzjanische Lieder. Gesammelt von H. Paasonen // Suomalais-Ugrilaisen Seuran aikakauskirja [Journal de la Sociéty Finno-Ougrienne]. IX. Helsinki. 1891.
- ¹⁹ Paasonen H. Ueber die Volkspoesie der ostfinnischen Völker // Valvoja. 1897. S. 65–78; 127–140.
- ²⁰ Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Helsingfors. 1909.
- ²¹ Вейкенъ можно перевести как «одного», но в данном контексте ближе «первого».
- ²² Нишкепаз – верховный бог мордвы-эрзи.
- ²³ Комоль ава, Комлянь ава – мифологическая покровительница хмеля у мордвы-эрзи.
- ²⁴ Жена брата, невестка.
- ²⁵ От того, что у меня болит голова.
- ²⁶ Масторава – мифологическая покровительница земли.
- ²⁷ Дословно – старик-снег.
- ²⁸ Выражение «аф пара мор» используется в мокшанском языке для обозначения какой-то плохой, тяжелой болезни, либо «нечистого». В данном случае выстраивается конструкция его использования в эрзянском языке.
- ²⁹ Если случится большая беда.
- ³⁰ На другом берегу.
- ³¹ Сноска у Х. Паасонена: *ko d'äjít'(t'äjít')*.
- ³² Цифтамас – вероятно, село Палаевка, ныне Рузаевского района Мордовии.
- ³³ Дословно – девичьей жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

Бояркина Л.Б. Песенное искусство эрзянских переселенцев Среднего Заволжья (исследование) // Памятники мордовского

REFERENCES

Boyarkina, L.B. (1988), “Song art of the Erzya settlers of the Middle Volga region (research)”, *Pamyatniki mordovskogo*

народного музыкального искусства. Т. 3 / под ред. Е.В. Гиппиуса; сост. Н.И. Бояркин. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. С. 8–52.

Бояркина Л.Б. Паасонен Хейкки (Paasonen Heikki) // Мордовская музыкальная энциклопедия / под общ. ред. Н.И. Бояркина. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2011. С. 250.

Вихман Г. Письма из Гельсингфорса // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1893. Т. 9, вып. 1–6. С. 198–200.

Гуя Я. Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. С. 55–98.

Мокшина Е.Н., Мокшин Н.Ф. О вкладе финских исследователей в изучение этнографии мордовского народа // История и современное мировоззрение. 2019. Вып. 4. С. 72–76.

Рогачев В.И., Макушкин В.М. К вопросу о вкладе Хейкки Паасонена в мордовскую филологическую науку // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 3. С. 137–142.

Сааринен С. Хейкки Паасонен – выдающийся исследователь мордовских языков и культуры // Финно-угорский мир. 2009. № 1. С. 32–35.

Сафонова Т.Ф. Хейкки Паасонен (1865–1919) // Вестник Мордовского университета. 1992. № 3. С. 62–64.

Феоктистов А.П. О трудах Х. Паасонена // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962. С. 275–281.

Хакамиэс П. Изучение мордовского фольклора в Финляндии // Вестник Мордовского университета. 1995. № 1. С. 16–20.

narodnogo muzykal'nogo iskusstva [Monuments of Mordovian folk music art], vol. 3, ed. E.V. Gippius, comp. N.I. Boyarkin, Saransk, pp. 8–52. (in Russ.)

Boyarkina, L.B. (2011), “Paasonen Heikki”, *Mordovskaya muzykal'naya entsiklopediya* [Mordovian musical encyclopedia], ed. N.I. Boyarkin, Saransk, p. 250. (in Russ.)

Feoktistov, A.P. (1962), “About the works of H. Paasonen's”, *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniiya* [Questions of Finno-Ugric linguistics], Moscow, Leningrad, pp. 275–281. (in Russ.)

Guya, Ya. (1974), “A brief essay on the history of comparative Finno-Ugric linguistics”, *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)* [Basics of Finno-Ugric linguistics (questions of origin and development of Finno-Ugric languages)], Moscow, pp. 55–98. (in Russ.)

Khakamies, P. (1995), “Study of Mordovian folklore in Finland”, *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the Mordovian University], no 1, pp. 16–20. (in Russ.)

Mokshina, E.N., Mokshin, N.F. (2019), “About the contribution of Finnish researchers to the study of the ethnography of the Mordovian people”, *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie* [History and modern worldview], vol. 4, pp. 72–76. (in Russ.)

Rogachev, V.I., Makushkin, V.M. (2013), “On the question of Heikki Paasonen's contribution to the Mordovian Philological Science”, *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and education], no. 3, pp. 137–142. (in Russ.)

Saarinen, S. (2009), “Heikki Paasonen – outstanding researcher of Mordovian languages and culture”, *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world], no. 1, pp. 32–35. (in Russ.)

Safonova, T.F. (1992), “Heikki Paasonen (1865–1919)”, *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the Mordovian University], no. 3, pp. 62–64. (in Russ.)

Vikhman, G. (1893), “Letters from Helsingfors”, *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University], vol. 9, iss. 1–6, pp. 198–200. (in Russ.)

Сведения об авторах

Шахов Павел Сергеевич, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)

E-mail: pashahoff@mail.ru

Тельминов Вячеслав Григорьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: telminoff@gmail.com

Зубов Игорь Васильевич, кандидат философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск)

E-mail: komoro@rambler.ru

Authors Information

Pavel S. Shakhov, Cand. Sc. (Art Criticism), senior research officer at the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)

E-mail: pashahoff@mail.ru

Vyacheslav G. Telminov, Cand. Sc. (Historical sciences), senior research officer, assistant professor at the National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

E-mail: telminoff@gmail.com

Igor V. Zubov, Cand. Sc. (Philosophical Sciences), chief researcher at the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk)

E-mail: komoro@rambler.ru

Поступила в редакцию 01.02.2023

После доработки 16.05.2023

Принята к публикации 25.05.2023

Received 01.02.2023

Revised 16.05.2023

Accepted for publication 25.05.2023